

«ХРАМ СОЛНЦА» И.А. БУНИНА И «СИРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ» С.С. КОНДУРУШКИНА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

М.С. Щавлинский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия;
Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского,
Санкт-Петербург, Россия; maxim.shavlinsky@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена личным и творческим связям Бунина и ныне малоизвестного писателя Степана Семеновича Кондурушкина (1874–1919). Подробно описываются известные случаи коммуникации писателей: переписка, встречи, а также их отзывы о творчестве друг о друга. С 1898 по 1903 гг. Кондурушкин работал учителем на Ближнем Востоке по приглашению Императорского православного палестинского общества. С 1901–1902 гг. Кондурушкин начал писать первые публицистические и художественные тексты о Востоке. Бунин путешествовал на Восток в 1903, 1907, 1910–1911 и 1913 гг., а публиковать первые очерки будущей книги «Храм Солнца» начал с 1908 г. Оба автора внимательно читали произведения друг друга. В статье сравниваются двухтомный сборник рассказов Кондурушкина «Сирийские рассказы» (1908–1910) и книга Бунина «Храм Солнца» (1917). Оба автора говорят о Востоке словами священных текстов и моделируют определенное мифологическое пространство, где являются не просто наблюдателями, но и участниками процесса — переживают миф совместно с действующими героями, а также наделены способностью действовать внутри мифа. Кроме того, для обоих авторов характерна эксплуатация метафоры «Восток — могила», в рамках которой проблематика «времени» как категории нивелируется; все понимается как существующее исключительно в пространстве. История Востока после времени мифа для писателей не существует, Восток «похоронен» под плитами священных текстов. Отдельное внимание уделено репрезентации образа Моисея.

Ключевые слова: И.А. Бунин; С.С. Кондурушкин; «Храм Солнца»; «Сирийские рассказы»; Восток; библейское пространство; метафора; Моисей

Финансирование: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-16

Для цитирования: Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурushкина: точки пересечения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 221–232.

TEMPLE OF THE SUN BY I.A. BUNIN AND SYRIAN STORIES BY S.S. KONDURUSHKIN: INTERSECTION POINTS

Maksim Shavlinsky

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Vladimir Mayakovsky Central City Public Library, St. Petersburg, Russia; maxim.shavlinsky@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the personal and creative connections between Ivan Bunin and the forgotten writer Stepan Semenovich Kondurushkin (1874–1919). Known cases of communication between writers are described in detail: correspondence, meetings, as well as their reviews of each other's work. From 1898 to 1903 Kondurushkin worked as a teacher in the Middle East at the invitation of the Imperial Orthodox Palestinian Society. In 1901–1902 Kondurushkin began to write the first journalistic and literary texts about the East. Bunin traveled to the East in 1903, 1907, 1910–1911 and 1913, to publish the first sketches of the future book *Temple of the Sun* — since 1908. Both authors carefully read each other's works. The article compares the two-volume collection of stories by Kondurushkin *Syrian Stories* (1908–1910) and Bunin's *Temple of the Sun* (1917). Both authors speak about the East in the words of sacred texts and model a certain mythological space, where they are not just observers, but also participants in the process — they experience the myth together with the acting heroes, and are also endowed with the ability to act within the myth. In addition, both authors are characterized by the exploitation of the metaphor 'East is the grave', in which the problem of 'time' as a category is leveled and reduced solely to understanding everything in the category of 'space'. The history of the East after the time of myth does not exist for the writers, and therefore the East is 'buried' under the slabs of sacred texts. Special attention is paid to the representation of the image of Moses.

Keywords: Ivan Bunin; Stepan Kondurushkin; *Temple of the Sun*; *Syrian Stories*; East; biblical space; metaphor; Moses

For citation: Shavlinsky M. (2024) *Temple of The Sun* by I.A. Bunin and *Syrian Stories* by S.S. Kondurushkin: Intersection Points. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 221–232.

Взаимоотношения писателей

В начале XX в. «литературные» поездки на Восток, в силу налаженной туристической деятельности пароходных товариществ (РОПиТ, Добровольный флот), становятся привычным делом. Бунин, Гумилев, Бальмонт, Белый и многие их современники оставили

большое количество травелогов [Анисимов, Щавлинский 2022]. Бунин отправился в первое восточное путешествие в 1903 г., затем ездил на Восток в 1907 г. и 1910–1911 гг. Первые очерки будущей книги «Храм Солнца» он начал публиковать с 1908 г. Травелог С.С. Кондурушкина¹ выгодно отличается на фоне других текстов, т. к. автор жил и работал в Сирии 5 лет (с 1898 по 1903 гг.) учителем, хорошо знал арабский язык, а также там сделал свои первые литературные шаги: в 1900 г. дебютировал в журнале «Русское Богатство» [Владимилова 2023: 25]. Оптика его впечатлений сильно изменена в силу ежедневных социально-бытовых практик «общения» с Востоком. Однако текст Кондурушкина и текст Бунина, на наш взгляд, имеют множество точек пересечения, что делает сравнение особенно интересным.

С творчеством Кондурушкина и, вероятно, с ним самим Бунин познакомился не позднее весны 1908 г. Так, известно, что 5 апреля Кондурушкин писал Бунину, предлагая сотрудничество: «Уж давно собирался я обратить Ваше внимание на классические арабские поэмы — Муалляки; до сих пор еще никто на русский язык стихами не переводил <...> Кажется мне, Вы могли бы это сделать, и русская литература могла бы обогатиться прекрасными произведениями арабского гения. В случае желанья, я мог бы Вам указать прозаические русские переводы Муалляк, да к тому же один мой знакомый <...> изъявляет готовность сделать дословные переводы любой из семи арабских поэм» [Летопись 2011: 733]. Очевидно, что Бунин согласился и 21 апреля получил от Кондурушкина «брошюру Муallaku Имру-уль-Кайса» [Летопись 2011: 736] и сопроводительное письмо с необходимыми разъяснениями особенностей арабской поэзии. Писатели поддерживают переписку на протяжении всего года [Летопись, 2011: 747], видимо, иногда встречаются лично (во всяком случае, о личных встречах часто просит Кондурушкин [Летопись 2011: 747, 749, 754]).

В последующие годы общение между писателями продолжается. В январе 1909 г. Кондурушкин планирует поездку на Новую Землю [Чуваков 1994: 50–51] и просит у Бунина поручительства перед И.Д. Сытиным и Н.П. Рябушинским в расчете, что эта экспедиция заинтересует издателей, но, видимо, просит безрезультатно [Летопись 2011: 777]. В ноябре Кондурушкин поздравляет Бунина «с избранием <...> в члены Академии» [Летопись 2011: 838]. На этом взаимоотношения между писателями практически прекратились.

¹ Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919) — писатель, журналист, учитель. Подробнее о заре литературной карьеры Кондурушкина и его биографии до 1906 г. см.: [Щавлинский 2022]. О творчестве Кондурушкина в 1900–1910-е гг. см. также: [Владимилова 2023].

В 1912 г., 30 января (12 февраля) Кондурушкин писал Горькому: «Книга Бунина “Деревня” — во многом книга художника, но ее написал интеллигент, который говорит: “Мне такая жизнь не нравится”. Но ведь это же совсем в данном случае не важно, что не нравится вся жизнь, целиком. Не нравится — значит, непонятна, а непонятна — оставь ее в покое» [Горький 1988: 978]. В конце октября этого же года Кондурушкин публикует в петербургской газете «Речь» (№ 295) письмо «25-летний юбилей И.А. Бунина» [Кондурушкин 1912: 3], где, в частности, пишет: «Дорогой Иван Алексеевич! 28 октября в Москве чествуют вас <...> вы родились художником, от Господа Бога поэт. <...> Ваше творчество — созерцание и покой» [Летопись 2017: 303]. В конце своего открытого письма Кондурушкин говорит: «[мне] больше всего хотелось бы в этот день <...> посидеть с вами наедине часок, поговорить о чем придется и пожать руку. Мы так мало встречались» [Летопись 2017: 303]. Последний раз — и тоже не лично, а косвенно — писатели общались в марте 1918 г. «Ф.К. Сологуб и С.С. Кондурушкин обращаются в письме к Бунину от имени “Союза деятелей художественной литературы”, организованного в Петрограде» и просят высказаться о сложившейся исторической ситуации [Летопись 2017: 917]. Позднее, в 1919 г., Бунин уехал в Одессу (и в 1920 г. эмигрировал), а Кондурушкин умер в Омске.

Библейское пространство

В 1908–1910 гг. издательство «Знание» напечатало двухтомник рассказов Кондурушкина, первый том был озаглавлен «Сирийские рассказы». Известно, что Бунин прочитал первый том и попросил издательство «Знание» печатать пятый том своих сочинений так же, «как рассказы Кондурушкина» [Бунин 2007: 89]. Бунину понравилось оформление, верстка и качество бумаги. Кроме того, есть сходство в оформлении: и в книге Бунина 1909 года, и в «Сирийских рассказах» 1908 года присутствует одинаковое изображение, выполненное художником Е. Лансере [Щавлинский 2021: 943–944]. Вероятно, это было сделано по воле редакторов «Знания», а не по просьбе писателей.

Кроме того, в 25 выпуске сборников товарищества «Знание» были напечатаны «Моисей» Кондурушкина (позднее текст войдет во 2 том рассказов) и три сонета Бунина: «Караван», «Иерихон». «Бедуин», объединенные заглавием «Иудея». Критики положительно оценили выход сборника, в частности, В.В. Брусянин писал: «красивые акварели-сонеты Ив. Бунина — “Иудея” так хорошо дополняют содержание рассказа г. Кондурушкина <“Моисей”>, рисуя образ “Бедуина”, нового человека пустыни <...> такими красочными мазками» [Летопись 2011: 804]. (Позднее, в отдельной книге «Храм Солнца», все

три сонета опубликованы в той же последовательности с незначительными изменениями [Бунин 1917: 27–29]).

Тематически книги очень схожи в описании Востока. Оба автора используют одинаковые претексты. Главный претекст «Храма Солнца» — Библия. На нее повествователь ссылается чаще всего [Андреева 1998: 2]. Следующим источником, по количественному показателю, будет Коран. То же можно сказать и о «Сирийских рассказах» Кондурушкина. Приведем лишь несколько примеров. У Бунина: «повествует Библия» [Бунин 1917: 155]; «...которые Библия называла заоблачными...» [Бунин 1917: 162]; «...были начертаны над гробами слова Корана» [Бунин 1917: 46]; «“Лица их, — думаю я словами Корана, — похожи на яйца страуса, сохраненные в песке”»; «...только сурами Корана» [Бунин 1917: 56]. У Кондурушкина: «...проповедывать свободное понимание Библии...» [Кондурушкин 1908: 139]; «Развернул евангелие, нашел пятую главу от Матфея» [Кондурушкин 1910: 117]; «...бормоча в бороду первую главу из Корана» [Кондурушкин 1908: 64]; «...спускаться вниз и читать Коран» [Кондурушкин 1908: 195]; «...молча прочитали священные стихи Корана» [Кондурушкин 1908: 233].

Оба автора говорят о былом величии Востока, сравнивая его с днем сегодняшним, подчеркивают, что Восток измельчал, эксплуатируют метафору: «Восток — могила». Таким образом, история Востока после творившегося здесь библейского мифа просто вычеркнута (об этом ниже). Например, в очерке Кондурушкина «Хараба» говорится:

«Все напоминает о былом величии и славе древних строителей. А эти люди — точно звери в человеческих жилищах, — так мало соответствия между ними и прекрасными остатками древних строений. Хауран, — это кладбище греко-римской жизни. <...> все пришло в запустение. Ходишь иногда под темными сводами заброшенной крепости, и жутко станет, точно в гроб зашел. Скажешь слово, кашлянешь, — тысячи голосов отвечают тебе, камни дрожат, точно хотят приподняться и выпустить на волю своих мертвецов... Кажется, даже камни этих развалин не так мертвы и холодны, как все камни на земле, а унаследовали часть души своих давних жильцов...» [Кондурушкин 1908: 9–10].

В очерке Бунина «Море богов»: «Египет — могила в пустыне...» [Бунин 1917: 80]. В очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Его в Иудее больше, чем травы. И вся Иудея — как эта могила, такая старая, что давно-давно пора забыть о погребенных в ней» [Бунин 1917: 123].

Можно предположить, что Бунин хочет показать, будто существует некоторое пространство, где время останавливается или

вообще исчезает. Пространство, где, иными словами, можно приобщиться к вечности: «Разве может забыть земля о том незабвенном утре две тысячи лет тому назад, когда вошел отрок в Назаретскую синагогу?» [Бунин 1917: 132]. Бунин в какой-то мере наследует традициям древнерусской литературы — как и любой летописец, показывает, что описываемое им — только часть из общей ткани истории, узлы которой непременно ведут к Библии.

Н.В. Пращерук полагает, что такой «выход» из истории, драгоценное приобщение к бесконечности достигается усилиями памяти» [Пращерук 1999: 16], однако нам кажется, что этот эффект достигается постоянной апелляцией к Корану и Библии. Цитата, которой заканчивается бунинская «Пустыня дьявола»: «Отойди от меня, Сатана» [Бунин 1917: 152] — с одной стороны, указывает на претекст, а с другой стороны, фраза вполне может быть сказана героем и без кавычек, потому как пространство вокруг него именно в этот момент подлинно библейское. Интересно, что предшествует этому финалу «вписывание» лирического героя в те же обстоятельства: «И мне страшно глядеть на мою белую одежду, как бы фосфорящуюся от звездного блеска. Я сам себе кажусь призраком, ибо я весь в каком-то знойном, хрустально-звнящем полусне, который наводит на меня Дьявол Содомы и Гоморры» [Бунин 1917: 151]. Ощущение присутствия дьявола, по Бунину, пронизывает это пространство даже спустя тысячи лет. Своеобразным указанием на библейское пространство заканчивается и последний очерк книги: «И, оставшись один на террасе, я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было предо мною. Я, читая о нем, видел и его, и светлый, неизреченно прекрасный Образ, донныне не покинувший его берегов» [Бунин 1917: 174]. Лирический герой достигает полной «синхронизации» между тем, что читает и видит, соединяя две этих реальности в одну².

Понимание пространства Востока как подлинно библейского характерно и для Кондурушкина. Только если Бунин в «Пустыне дьявола» медленно подводит нас к вхождению в это пространство и оставляет нас перед ним в самом конце очерка, «снимая кавычки» и позволяя читателю самостоятельно это пространство «увидеть» (вообразить), то Кондурушкин в «Моисее», можно сказать, с этого начинает: «Я кружил по скалистым, таинственным берегам Мертвого моря. И в душе моей возникали видения мглистого прошлого. / Днем, в сверкающей дали, видел я бесконечные толпы народа. То-

² О библейском в поэтике «Храма Солнца» см. также: [Пономарев 2021; Пронин 2001].

мимый голодом и жаждой идет он по раскаленной пустыне, идет — ищет обетованную землю, свободную родину. / Ночью слышал я голоса прошлой жизни, таинственные голоса из глубин веков. <...> / А ночью заснет резвое эхо. И в гулких видениях его зазвонят забытые звуки жизни далекой. Видит эхо — слышит, — движется по пустыне великий народ. <...> Так на каждом месте обжитой земли возникают в нашей душе видения прошлой жизни. Хранят в себе образы минувшего седые камни-старожилы, многодумные деревья. <...> Так видел я тебя, Моисей, в пустыне. Все это слышал я ночью в горах вокруг таинственного провала Мертвого моря. И море видело и слышало тебя. Но оно злобно молчит, роется все глубже и глубже в землю и дышит ядовитым дыханием в голубое небо» [Кондурушкин 1910: 3–4].

Если у Бунина погружение начинается со взгляда на пустыню, — именно взгляд заставляет работать память и вспоминать библейские стихи — то у Кондурушкина такую роль исполняет эхо. Лирический герой, находясь в море — водной пустыне — слышит зов, который переносит его в принципиально иное время и пространство — к Моисею в пустыню. Рассуждая о хронотопе в «Тени Птицы», Н.В. Пращерук писала: «во-первых, хронотоп, <...> в некотором смысле, обретает “самостоятельность”, выдвигаясь на первый план и становясь “главным героем” произведения; во-вторых, “отмененное время” закономерно оборачивается “выходом” во “вневременное пространство”, приводит к “опространствливанию” формы произведения в целом» [Пращерук 1998: 19]. Так Бунин и Кондурушкин преодолевают временную дистанцию и занимают позицию наблюдателей подлинной библейской истории, которая разворачивалась здесь тысячи лет назад и как бы проигрывается заново у них перед глазами.

Пустыня становится для Бунина своеобразным местом невозврата; здесь система восприятия пространства-времени изменяется и временной зазор, ранее отделявший повествователя от библейского пространства, нивелируется. Повествователь становится способным воочию наблюдать вновь открывшееся пространство и взаимодействовать с ним. Для Кондурушкина таким местом становится море. Любопытно, что топологически море и пустыня у авторов пересекаются. Бунин описывает пустыню через сравнение с морем: «пустыня, каменным волнистым морем падающая к Иордану» [Бунин 1917: 145], Кондурушкин от моря, где происходит зов эха, мысленно переносится к Моисею в пустыню. Подобную функцию моря мы можем наблюдать в еще одном рассказе Кондурушкина — «В сетях дьявола».

Кратко перескажем сюжет. Паломники плывут на Афон в надежде, что там они смогут обрести покой, избавиться от мирских забот и сохранить душу. Однако на корабле — в море! — между паломниками происходит интересный диалог. «Ведь теперь дьявол уже весь мир покорил; один Афон остался! Так сколько на Афоне этого дьявола, знаете ли вы?! Все заинтересовались <...> — Сколько, а ну? — раздавались вопросы. — То-то и есть... Мне один старец схимонах говорил. Здесь на Афоне столько демонов, сколько на всем свете нет» [Кондурушкин 1910: 112–113]. Позднее, прибыв на Афон, все оказываются в подлинно библейском пространстве: «На перекрестках всюду поставлены кресты. Это для напоминания каждому христианину, что здесь, в царстве дьявола, на перекрестках дорог сидят тысячи бесов и бросаются из-за кустов на прохожих и проезжающих» [Кондурушкин 1910: 148]. Более того, бесы несколько раз появляются на публике. Так, например, когда седой старец Назар спросил о Харлампия, как быть с помещиками, которые в селе незаконно завладели землей, о Харлампий ответил: «— Вот ведь как силен дьявол. И в церкви он тебя не оставил. Чай так и шептал тебе в ухо: “Спроси про землю, спроси про землю!” <...> отведу я дьяволу, который тебе на ухо такие слова шептал. Только нужно прежде, чтобы он, окаянный, из сего святого места удалился. Именем Божиим приказываю тебе: сгинь, сатана! О Харлампий подался всем своим старческим телом вперед, сделал гневное лицо и устремил глаза в одну точку на каменный пол. Все неволью и со страхом расступились, чтобы дать невидимому бесу дорогу» [Кондурушкин 1910: 156]. В финале рассказа дьявол подкрадывается и к монаху Алексею: «— Тфу ты, враг-то! Уже и подкрался нечистый!.. Молитвами святых отец, Господи помилуй нас... Уж и подкрался, — с укоризной повторил Алексей и дрыгнул в сторону беса ногой» [Кондурушкин 1910: 168].

Море становится местом, где обычное, повседневное пространство преобразуется в библейское. А Афон становится не только библейским, но дьявольским пространством, где «столько демонов, сколько на всем свете нет» [Кондурушкин 1910: 113], где находится «царство дьявола» [Кондурушкин 1910: 148] и где отец-настоятель монастыря напрямую обращается к сатане со словами: «сгинь, сатана!» [Кондурушкин 1910: 156]. (Сравни с бунинским «“Отойди от меня, Сатана”» [Бунин, 1917: 152].)

Моисей Бунина и «Моисей» Кондурушкина

Поскольку в «Храме Солнца» перед нами библейское пространство, очевидно, что его населяют библейские персонажи. Эти герои появляются от случая к случаю, тем не менее, мифологические

сюжеты, связанные с некоторыми из них, предстают перед нами во всей полноте. Одним из ярких примеров такого транзитного героя, который появляется в разных очерках, является Моисей. За счет нехитрой контаминации перед нами широкими штрихами описывается вся история Моисея:

«Только через двадцать веков после этого утра родился Моисей» [Бунин 1917: 109]; «Моисей, воспитавшийся там, основал на служении Изиде служение Иегове» (104); «тянет найти ту вершину, с которой показал Господь Моисею всю радость земли обетованной: “Взойди на гору сию, на гору Нево, что в земле Моавитской против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложишь к народу твоему...”» (155); «опять слышишь слова Второзакония: “И полуденную страну, и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора увидал Моисей... И умер там, в земле Моавитской, по слову Господню, и погребен в земле Моавитской, и никто не знает места погребения его даже до сего дня...”» (156); «Далекие Моавитские горы, — край таинственной могилы Моисея, — были предо мною» (150).

Если Моисей Бунина представлен пунктиром (родился, был воспитан, испытал откровение, беседовал с Господом, получил от него задание, выполнил его и умер, место могилы стало священным), то Кондурушкин в «Моисее» подробно излагает историю скитаний Моисея и его спутников по пустыне [Кондурушкин 1910: 1–77]. Бунин отсылает читателя к претексту, в надежде на то, что все помнят миф о Моисее. Кондурушкин же, наоборот, пересоздает миф, вносит в него психологизм и новые детали. Классический религиозный сюжет дан через бинарную оппозицию *вера и сомнение*. Бунин даже не дает намека на центральную часть мифа о Моисее — скитания по пустыне, — тогда как Кондурушкин именно на этом сосредоточивает все внимание. В этом смысле оба текста, находясь в своеобразном диалоге, дополняют друг друга.

Интересным кажется мнимое противоречие между двумя последними фрагментами, посвященными Моисею, в книге «Храм Солнца»: Моисей <...> погребен в земле Моавитской, и никто не знает места погребения его даже до сего дня...”» (156); «Далекие Моавитские горы, — край таинственной могилы Моисея, — были предо мною» (150). Сначала подчеркивается, что никто не знает места погребения Моисея, но затем — в очерке «Пустыня дьявола», где, как мы описали выше, пространство пустыни осмысливается как библейское, — таинственность и загадочность «снимаются» за счет того, что повествователь, находясь в библейском пространстве, где действия разыгрываются прямо перед ним, имеет возможность

видеть перед собой не только таинственное место погребения, но и весь миф о Моисее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева С.Л.* Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 1998.
2. *Анисимов К.В., Щавлинский М.С.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210.
3. *Бунин И.А.* Тень Птицы; Зодиакальный свет // Бунин И.А. [Собрание сочинений]: в 6 т. СПб., 1909. Т. 5. С. 129–233.
4. *Бунин И.А.* Храм Солнца. Пг., 1917.
5. *Владимирова С.М.* Художественная проза С.С. Кондурушкина 1900–1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук / Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2023.
6. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизд. переписка. Литературное наследство. Т. 95 / Отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикишина. М., 1988.
7. И.А. Бунин. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текстов и комм. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007.
8. *Кондурушкин С.С.* 25-летний юбилей И.А. Бунина // Речь. № 295. 1912. 27 окт. С. 3.
9. *Кондурушкин С.С.* Сирийские рассказы: в 2 т. СПб., 1908–1910.
10. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2017. Т. 1. 1870–1909. + Т. 2. 1910–1919.
11. *Пономарев Е.Р.* «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
12. *Пращерук Н.В.* Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999.
13. *Пронин А.А.* Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2001. С. 459–464.
14. *Чуваков В.Н.* Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. С. 50–51.
15. *Щавлинский М.С.* Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919): жизнь и творчество. Материалы к биографии, 1874–1905 гг. // Текстология и историко-литературный процесс: X и IX Международная конференция молодых исследователей (Москва, МГУ им.М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 15–17 октября 2020 г. и 18–20 марта 2021 г.): М., 2022. С. 100–113.
16. *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // Иван Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. М., 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; вып. 3).

REFERENCES

1. Andreeva S.L. *Bibleiskie reministsentsii kak faktor tekstoobrazovaniia (na materiale proizvedenii I.A. Bunina «Ten' ptitsy», «Okaiannye dni», «Missiia russkoi emigratsii»)* [Biblical reminiscences as a factor of text formation (based on the works of I.A. Bunin «Shadow of a Bird», «Cursed Days», «Mission of the Russian Emigration»)]: dissertation abstract Ph.D. Moscow, *MPGU Publ*, 1998. 16 p. (In Russ.)
2. Anisimov K.V., Shchavilinskii M.S. Istoriko-literaturnyi kontekst buninskogo traveloga «Khram Solntsa». Na fone kogo Bunin «vyshel v genii»? [Historical and literary context of Bunin's travelogue «Temple of the Sun». Against the background of whom Bunin «came out as a genius»?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2022. No 80. P. 183–210. (In Russ.)
3. Bunin I.A. *Ten' Ptitsy; Zodiakal'nyi svet* [Shadow of The Bird; Zodiac Light]. [Collected Works]: in 6 vol. Vol. 5. St. Petersburg, *Znanie Publ.*, 1909. pp. 129–233. (In Russ.)
4. Bunin I.A. *Khram Solntsa* [Temple of the Sun]. Petrograd. *Zhizn' i znanie Publ.*, 1917. 174 p. (In Russ.)
5. Vladimirova S.M. *Khudozhestvennaia proza S.S. Kondurushkina 1900–1910-kh gg.: problematika, poetika, literaturnyi kontekst* [Fiction by S.S. Kondurushkin 1900–1910 s: Problematics, Poetics, Literary Context: PhD Thesis]: PhD Thesis. Saransk, *Ogarev Mordovia State University*. 2023. 215 p. (In Russ.)
6. Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizd. Perepiska [Gorky and Russian Journalism of the Early 20th Century: Unpublished Correspondence]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 95, ed. I.S. Zil'bershtein, N.I. Dikushina. Moscow, *Nauka Publ.*, 1988. 1079 p. (In Russ.)
7. Bunin I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [I.A. Bunin. Letters 1905–1919], ed. O.N. Mikhailova; S.N. Morozov, R.D. Devisa, L.G. Golubevoi, I.A. Kostomarovoi. Moscow: *IWL RAS Publ.*, 2007. 829 p. (In Russ.)
8. Kondurushkin S.S. 25-letnii iubilei I.A. Bunina [25th anniversary of I.A. Bunin]. *Rech'* [Speech]. №295. 1912. 27 Oct. pp. 3. (In Russ.)
9. Kondurushkin S.S. *Siriiskie rasskazy* [Syrian stories]: in 2 Vol. St. Petersburg, *Znanie Publ.*, 1908–1910. Vol. 1. 250 p. + 290 p. (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorчества I.A. Bunina* [Chronicle of the life and work of I.A. Bunin], ed. S.N. Morozov. Moscow, *IWL RAS Publ.*, 2011–2017. Vol. 1. 1870–1909. 943 p. + Vol. 2. 1910–1919. 1181 p. (In Russ.)
11. Ponomarev E.R. «Khram solntsa» ili «Ten' ptitsy»? Poetika «putevykh poem» I.A. Bunina [«Temple of the Sun» or «Shadow of the Bird»? The poetics of «travel poems» by I.A. Bunin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2021. № 69. pp. 298–320. (In Russ.)
12. Prashcheruk N.V. *Khudozhestvennyi mir prozy I.A. Bunina: iazyk prostranstva* [The artistic world of I.A. Bunin: the language of space]. Ekaterinburg, *MUMTs «Razvivaiushchee obuchenie» Publ.*, 1999. 253 p. (In Russ.)
13. Pronin A.A. Evangel'skiy «sled» v tsikle putevykh rasskazov I.A. Bunina «Ten'ptitsy» i poema V.A. Zhukovskogo «Agasfer» [The Evangelical «trace» in I.A. Bunin's cycle of travel stories «Shadow of the Bird» and V.A. Zhukovsky's poem «Agasfer»]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov* [The Gospel text in the Russian literature of the XVIII–XX cent.]. Petrozavodsk: *PetrGU Publ.*, 2001, pp. 459–464. (In Russ.)
14. Chuvakov V.N. Kondurushkin Stepan Semenovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary.] *Moscow BRE Publ.*, 1994. pp. 50–51. (In Russ.)

15. Shavlinsky M.S. Stepan Semenovich Kondurushkin (1874–1919): zhizn' i tvorchestvo. Materialy k biografii, 1874–1905 [Stepan Semenovich Kondurashkin (1874–1919): Life and Works. Materials for Biography, 1874–1905]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess: X i IX Mezhdunarodnaia konferentsiia molodykh issledovatelei* [Textology and the Historical and Literary Process: X and IX International Conference of Young Researchers] (Moscow, Lomonosov Moscow State Univ., Faculty of Philology, 15–17 Oct. 2020 and 18–20 March 2021). Moscow: *Common Place Publ.*, 2022, pp. 100–113. (In Russ.)
16. Shavlinsky M.S. «Khram Solntsa» I.A. Bunina — neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka [«The Temple of the Sun» by I.A. Bunin — unfinished project of the development of the East]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [Ivan Bunin and his time: the contexts of fate — the history of creativity], ed. T.M. Dviniatina, S.N. Morozov. Moscow: *IWL RAS; Litfakt Publ.*, 2021, pp. 934–952. (*Akademicheskii Bunin* [Academic Bunin], Issue 3). (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.11.2023
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 19.03.2024

Received 17.11.2023
Accepted 13.02.2024
Revised 19.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Щавлинский Максим Станиславович — младший научный сотрудник, аспирант ИМЛИ РАН, Отдел русской литературы конца XIX — начала XX века; библиограф 1 категории ЦГПБ им. В.В. Маяковского, Отдел управления библиографическими информационными службами; maxim.shavlinsky@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maksim S. Shavlinsky — Junior Researcher, post-graduate student, IWL RAS, Department of Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries; bibliographer of the 1st category, St. Petersburg State Budgetary Institution of Culture “Central City Public Library named after V.V. Mayakovsky”, Department of Management of Bibliographic Information Services; maxim.shavlinsky@gmail.com